

Сергей КАРАГАНОВ:

«ГАРАНТИИ СОБСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ – ПРЕЖДЕ ВСЕГО»

– Сергей Александрович, совсем недавно президент Путин объявил о намерении поэтапного перехода армии на профессиональную контрактную основу. По этому поводу в прессе уже появилось много комментариев как независимых аналитиков, так и представителей власти, в том числе и Минобороны. Что Вы думаете по этому поводу, какие Вы видите реальные механизмы, перспективы и сроки перевода наших Вооруженных Сил на профессиональную основу?

– О том, что российскую армию необходимо переводить на контрактную основу очевидно всем более или менее патриотически мыслящим и одновременно разумным людям уже больше десяти лет. Совершенно ясно, что мы не оказались бы в таком кризисе, если бы к 2000 году, как предлагалось в первоначальных вариантах оборонной реформы, одну из которых в том числе разрабатывал и Совет по внешней и оборонной политике в самом начале 90-х годов, мы бы перешли на полностью профессиональную армию. Для России та армия, которая у нее существует, неподъемна и культурно чужда. Говорилось, что мы никогда не потянем профессиональную армию, и потратили десять лет на то, чтобы рубить хвост по кускам и унижать российских военнослужащих нищенской зарплатой. То есть то, что творилось десять лет, я считаю форменным безобразием. Чем скорее мы перейдем на контрактную основу, тем лучше.

– А все-таки какие Вы видите механизмы перевода Вооруженных сил на контракт, как это можно осуществить в реальных российских условиях сегодня?

– Во-первых, необходимо изменить военную доктрину, отменить очень многие устаревшие элементы, которые в принципе уже десять раз отменялись

**Сергей Александрович
КАРАГАНОВ**

Родился 12 сентября 1952 г. в Москве. В 1974 г. окончил экономический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. С 1974 по 1978 г. учился в аспирантуре Института США и Канады Академии наук СССР. С 1976 по 1977 г. стажировался в миссии СССР при ООН. В 1979 г. С.А. Караганов защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук по теме «Роль и место транснациональных корпораций во внешней политике США». С 1978 г. десять лет работал в Институте США и Канады Академии наук СССР, где занимался проблемами, связанными с экономическими аспектами внешней политики, американо-советскими отношениями, с проблемами американской военной стратегии, контроля над вооружениями и европейской безопасности.

на бумаге, но фактически до сих пор существуют. Это и стратегии по театрам военных действий, и огромные мобилизационные планы, и действительное непонимание сути современной войны. Нам уже десять раз объяснили и американцы, и все остальные, какая будет война. Во-вторых, необходимо реализовать очень быстрое сокращение призыва и введение контрактной основы формирования армии, тем более что с заднего хода мы уже это делаем. Но только пока мы переводим на контракт не армию, а МВД и другие войска – то есть все это происходит, но закрытым, чуть ли не подпольным образом.

И совсем скандальной является циркулирующая идея привлечения студентов на военную службу. Она вызывает единодушное неприятие, если ни ненависть всего образованного класса. Результатом такого отношения – огульная критика армии и всего, что связано с обороной. Мы уже испытали это в конце 80-х – начале 90-х г. г. Я помню, как мы в Совете сражались против этой критики. Но кто вступится, если дело пойдет по второму кругу?

– В последнее время активно обсуждается вопрос об альтернативной службе. Как известно, Генштаб уже написал свой проект закона, который получил весьма неоднозначные оценки. Как Вы оцениваете этот

законопроект и какие вообще Вы видите перспективы введения альтернативной службы в нашей стране?

– Альтернативную службу надо вводить хотя бы для того, чтобы создать действительное равенство граждан. Но пока многие варианты альтернативной службы предлагают для того, чтобы угробить идею. Придумывают такие чудовищные варианты, что в принципе альтернативная служба все больше напоминает три-четыре года строгого режима. У нас не хватает, например, в государственных госпиталях нянечек, у нас вообще не хватает огромного количества социальных работников. Туда и нужно направлять людей, которые идут на альтернативную службу. Но это временная мера, пока у нас существует призыв, а потом должна отпасть необходимость и в альтернативной службе.

– Почему разработка этого закона, к слову сказать, проваленного правительством, была поручена Генштабу?

– К сожалению, у нас долгие годы, с самого начала 90-х, реформой Вооруженных сил все время поручали заниматься Генеральному штабу. При всем моем глубоким уважении к этой высокопрофессиональной организации это абсолютный нонсенс. Концепция военной реформы не может быть создана военными, также как и проводится она не может военными, в том числе и Генеральным штабом. Военные в реформе должны участвовать, консультировать, но не более того. Реформа – это задача высшего политического гражданского руководства страны, в ней должны быть учтены будущие военные угрозы, ресурсы, которые общество должно выделить на реформу, должно быть принято во внимание состояние общества. Вы посмотрите, ведь у нас до сих пор во многом крестьянская армия, крестьянская по своей сути, то есть по уровню обмундирования, по уровню обслуживания, наконец, по уровню жизни военных, в то время как страна уже пятьдесят лет назад перестала быть крестьянской. Надо понять, кто будет служить в этих войсках, и под них строить эту армию. Это и социальная, и психологическая проблема. Военные, при всем моем глубоким к ним уважении, просто никогда не смогут выработать такую реформу, более того, они не заинтересованы в ней, поскольку реформа означает ломку их собственной структуры. А никакая бюрократическая структура не заинтересована в своей собственной глубокой перестройке.

– Сергей Александрович, теперь позвольте переключиться на российско-американские отношения. Как Вы оцениваете эти отношения на сегодняшний момент? Изменилось ли в них что-нибудь с момента саммита двух президентов в Техасе?

– Я оцениваю российско-американские отношения как достаточно благоприятные. У нас очень много разногласий, но эти разногласия мы успешно обходим. Можно было бы, конечно, на всех этих разногласиях заострить внимание, и тогда бы все увидели разницу потенциалов России и Соединенных Штатов Америки. Вместо этого Путин выбрал мудрый путь: где можно – сотрудничать, а где нужно – обходить противоречия, если они не принципиальны.

– Чем, на Ваш взгляд, могут закончиться переговоры между Путиным и Бушем на предстоящем саммите двух президентов в Москве, что планируется принять на этой встрече?

– Там может быть принят документ (и он почти наверняка будет принят) о сокращении стратегических наступательных вооружений, против которого американцы протестовали и по которому мы их все-таки дожали или почти дожали. Этот документ не будет большим договором, но тем не менее он для нас психологически и политически важен. При этом будут сохранены, видимо, те положения из предыдущих договоров, которые предусматривают прозрачность и проверяемость стратегических вооружений. Наконец, состоится просто хорошая беседа. Возможно, к тому времени будут какие-то дополнительные договоренности о создании, если не постоянно действующих российско-американских комиссий (на них у администрации Буша жуткая аллергия), то во всяком случае каких-то фактически функционирующих инструментов в различных областях сотрудничества. Я думаю, что встреча будет почти наверняка позитивной.

– То есть американцы все же не на словах, а на бумаге подпишут этот договор?

– Да, они подпишут этот договор. Другое дело, что американцы могут не уничтожать, а складировать свои боеголовки. Но и мы, если нам очень хочется, можем делать то же самое. А выход американцев из договора по ПРО вообще развязывает нам руки, например, мы можем не снимать с боевого дежурства и продержат еще лет десять ракеты с так называемыми кассетными боеголовками, которые должны были сократить.

– Но главное, чтобы на это все хватило денег.

– А это вообще почти ничего не стоит.

– Не считаете ли Вы, что Соединенные Штаты проводят политику двойных стандартов? То есть когда Россия была реально необходима, ее называли союзником № 1, а когда напряжение спало, то и Россия вновь стала страной, ущемляющей права человека и свободные СМИ, страной, которая проводит геноцид собственного народа в Чечне и т.д. и т.п. Безусловно, некоторые доводы

западных политиков, очевидно, справедливы, но ведь и вспоминают они об этом только тогда, когда им от нас ничего не надо. Как Вы можете прокомментировать эту ситуацию?

– Да, Соединенные Штаты Америки проводят одностороннюю политику двойных стандартов, я бы даже сказал, гегемонистскую политику. Но они могут себе это позволить. В военном и в экономическом отношении они являются единоличным гегемоном всего мира, и они идут в отрыв.

– То есть они пользуются правом сильного, и это нормально?

– Это нормально. Другое дело, что в данной ситуации можно получать шишки, а можно кое-что и выигрывать, что в значительной степени сделал Путин и что не может простить ему (а себе – своей собственной слабости) значительная часть российской элиты, последовательно уничтожавшая сама себя и свою страну в течение десяти лет. Соответственно, отсюда и то место, которое занимает Россия в российско-американских отношениях и которое зависит в том числе от поведения нашей элиты, всячески преувеличивающей разногласия и наши возможности. Даже там, где разногласий нет, они всячески педалируются. Классический пример здесь – это, конечно, размещение американских Вооруженных Сил в государствах Средней Азии, которые были мягким и самым уязвимым подбрюшьем России, что угрожало России распространением афганской болезни. Американцы, разместив там небольшие вооруженные контингенты с помощью нас, а главное, с помощью своей мощи и собственных денег, уничтожили талибов, решив таким образом одну из самых главных задач военной безопасности России.

– Недавно в своем обращении к конгрессу США президент Буш объявил о том, что Америка находится в состоянии войны, в том числе и с теми странами, которые представляют определенный интерес, главным образом экономический, для России. Что делать в этой ситуации России? Как вообще относится нашей стране к озвученной Бушем формуле «кто не с нами, тот против нас»?

– России надо относиться к этому заявлению плохо, но надо пытаться сотрудничать с Америкой и с названными странами там, где это возможно и выгодно. И, конечно же, договариваться, например, по поводу того же Ирака, который, к слову сказать, действительно вызывает раздражение у большинства крупных стран мира своей безответственной политикой. Политикой, которая уничтожила благосостояние одной из самых богатых стран мира. Ирак еще 10–12 лет назад был просто таким «советским», квазикоммунистическим обществом. Если бы Хусейн не полез захватывать Кувейт, Ирак был бы изумительно богатой страной.

Так вот, если договариваться, то нужно договариваться о гарантиях своих собственных интересов. В случае если что-нибудь произойдет, например, в Ираке, нам необходимо стараться не допускать возможности, чтобы американцы делали глупости, которые могли бы привести к серьезной дестабилизации ситуации в мире. Но и ложиться на рельсы перед бегущим паровозом от имени всего международного сообщества, к чему нас это международное сообщество регулярно пихает, нам тоже не стоит.

– Сергей Александрович, теперь позвольте опять вернуться к проблемам нашей внутренней общественно-политической жизни. За последние несколько месяцев довольно часто стала обсуждаться тема гражданского общества в России. Одно из самых заметных здесь мероприятий – это Гражданский форум, проведенный в 20-х числах ноября прошлого года. Как Вы оцениваете подобный рода инициативы и что Вы думаете о состоянии гражданского общества в России сегодня?

– Это два совершенно противоположных вопроса с двумя совершенно противоположными ответами. Первое, гражданское общество сегодня в России очень слабо, его почти нет. Это одна из самых трудных проблем, которая стоит перед российским обществом. У нас реформы проводятся сверху, в значительной степени они проводятся бюрократией, а встречного движения почти не видно. Более того, чтобы их проведение шло эффективней, бюрократия пытается ограничить, хотя и вполне деликатными методами, свободу слова, а это является квазиэлементом гражданского общества. Это первая часть.

Вторая часть касается той самой огромной сходимки, которая была в Москве в ноябре прошлого года. Над ней можно смеяться, но я бы этого не стал делать. Я считаю, что все-таки это было полезное мероприятие, хотя бы по той простой причине, что власть узнала, что вообще существует такая вещь, как гражданское общество, что его нужно развивать и что уж точно – не надо ей противодействовать. То есть власть в стенах Кремля увидела, что гражданское общество хоть в каком-то, пусть и в зачаточном виде, существует, что это вещь позитивная. Я считаю, мешать активно уже не будут, а может быть, даже будут помогать. Хорошо уже хотя бы то, что была сделана попытка привлечь внимание к этой проблеме, поскольку необходимо создание условий для самостоятельных организаций в обществе.

– Как Вы думаете, все инициативы власти, связанные с обсуждением проблем гражданского общества, не есть ли это всего на всего попытка показать мировому сообществу, что у нас все хорошо, а при активном взаимодействии представителей

В 1989 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук по теме «Роль и место Западной Европы в американской стратегии в отношении СССР (1945–1988 гг.)».

В 1989 г. Сергей Караганов стал заместителем директора Института Европы Академии наук СССР/РАН.

С 1989 по 1991 г. был официальным экспертом по международным отношениям Верховного Совета СССР. С 1991 г. – член Совета по внешней политике МИД РФ, с 1993 по 1999 г. – член Президентского Совета РФ, с 1993 г. – член научно-консультативного совета при Совете безопасности РФ, в настоящее время – советник заместителя руководителя Администрации президента РФ по внешней политике.

С 1994 г. – председатель Президиума общественного Совета по внешней и оборонной политике. С 1995 г. С.А. Караганов – член Международного консультативного Совета по международным отношениям (г. Нью-Йорк), многих других международных организаций.

власти и общества будет еще лучше? То есть не предназначены ли все эти замечательные идеи главным образом на экспорт?

– Я думаю, что такой вариант возможен, но главное все же в Гражданском форуме, как и в других подобных инициативах власти, – это нацеленность внутрь страны. Нацеленность на то, чтобы вовлечь людей, выслушать их, снять какое-то напряжение. Потому что сейчас интеллигенция (а именно она является костяком гражданского общества) начинает снова бурчать, поскольку она отсекается от управления. Если это мероприятие имело какой-то позитивный эффект за рубежом, то это тоже хорошо, хотя внимательно изучая зарубежную прессу, я не заметил никакого позитивного эффекта.

– Можно ли сказать, что президент Путин осознает то, что ему необходимо гражданское общество, хотя бы потому, что без него Россия никогда не сможет встать в один ряд с ведущими государствами мира. И в то же время интеллигенция также хочет, чтобы к ее точке зрения прислушались. А основная проблема здесь – это

промежуточный между президентом и обществом слой бюрократии, который и саботирует идею реального создания так называемой «машины гражданской экспертизы»?

– Вы мне подсовываете классический посыл, что «бояре мешают». Но надо сказать, что гражданское общество очень слабо не только от того, что ему мешают бояре, а и потому, что у нас еще очень низок уровень гражданского самосознания. Демократическая элита полностью деморализована своим провалом в прошлом десятилетии, и она отхлынула от активного участия в общественных начинаниях, а часть этой элиты к тому же еще оказалась серьезно коррумпирована. Мы просто должны пройти через этот этап в надежде на то, что гражданское общество будет подниматься и возрождаться. К тому же поскольку у нас существует капиталистическое общество, оно само по себе порождает и элементы гражданского общества.

– 2 апреля президенты Путин и Лукашенко будут вручать учрежденную еще в апреле 1999 года премию Союзного государства в области литературы и искусства. Как Вы считаете, насколько это вообще нужно и насколько подобные мероприятия могут способствовать сближению наших стран?

– Я считаю, что это еще один маленький шаг, который сближает наши народы, и создает ощущение общности. Я убежденный сторонник такого объединения.

– Как Вы на сегодняшний день можете оценить состояние, в котором находится процесс сближения России и Беларуси? Складывается такое впечатление, что реально этот союз не очень интересует нынешнюю администрацию Кремля, что Вы думаете по этому поводу?

– Я полагаю, что процесс идет слишком медленно, есть огромное количество других задач, но процесс идет. Другое дело, что были периоды, когда при Ельцине он шел вообще на попятную, когда объявлялись великие цели, а потом шел немедленный жесткий откат. Сейчас Лукашенко склоняется к тому, чтобы начать приватизацию, а приватизация в Беларуси будет означать еще большее слияние белорусской и российской экономик.

– Видимо в силу того, что российская экономика просто поглотит белорусскую?

– Совершенно не обязательно. Я думаю, что будет происходить взаимодействие, поскольку белорусская бюрократия, как в свое время и российская, сможет отстоять свои позиции. Другое дело, что российская экономика, более мощная и более развитая, втянет в себя белорусскую, но это не означает, что белорусы потеряют контроль над своими предприятиями. И нынешняя администрация Кремля этот процесс ведет, но слишком медленно.

– Почему?

– Дел много. Тем более что некоторые относятся к этому процессу скептически. Но я знаю, что работа идет.

– Сергей Александрович, чем сейчас занимается Совет по внешней и оборонной политике?

– У нас, как и всегда, больше десяти программ. Но главная программа на ближайшие два месяца – это издание огромной книги, приуроченной к нашему десятилетию и включающей в себя все доклады Совета за это время. К слову сказать, мы одна из старейших и почти что единственная организация гражданского общества в России, из тех которые не просто выжили, но прожили со славой.

Еще мы готовим доклад о вызовах безопасности России в новых условиях, как раз о том, что должна делать наша страна с новой Америкой, с новым Ираком, Ираном, этот доклад скоро будет обсуждаться. Кроме того, у нас постоянно проходит много разных встреч. Мы только что закончили встречу Россия–ЕС, сейчас мы готовимся к трехсторонней встрече видных политиков и политологов Германии, России и Соединенных Штатов по архитектуре мировой безопасности – вопрос, почти никем серьезно не обсуждаемый. В ближайшее время мы продолжим наш большой проект по российско-балтийским отношениям. Скоро мы собираемся начать издавать большой журнал. Так что планов хватает.

– Скажите, министр Иванов входит в Совет по внешней и оборонной политике?

– Нет, он не входит в Совет. Мы стараемся первых лиц, как правило, не привлекать, хотя и бывали случаи, когда человек был членом Совета, а потом его делали, допустим, премьер-министром.

– То есть все-таки Совет активно сотрудничает с властью и участвует в выработке ее решений?

– Нет, мы не ставим своей главной целью сотрудничество с властью, хотя члены нашего Совета, рабочие группы Совета иногда готовят и посылают различного рода аналитические записки. Но главная наша задача – это влиять на элиту и просвещать ее с тем, чтобы она оказывала воздействие на власть. Мы никогда не хотели сами прямо влиять на власть и отвечать за то, что она делает.

– Но СВОП – это же и есть элита.

– Да, правильно. Мы сами себя и образовываем. Но мы одновременно вырабатываем и публикуем огромное количество материалов, проводим большое количество дискуссий с тем, чтобы формировать просвещенное, как мы считаем, мнение политической и экономической элиты.

Леонид ВОЛЧАНИНОВ

С дочерью Александрой